

УДК 327

Киреев А.А.

Российский Дальний Восток в трансграничных отношениях с АТР: обзор динамики 1990–2017 гг.

Если исследователи первых десятилетий постсоветской истории российского Дальнего Востока (РДВ) зададутся когда-либо целью отыскать для этой эпохи краткое и ёмкое наименование, то весьма вероятно, что в фокусе их коллективного сознания окажется выражение "интеграция в АТР". При всей неоднозначности и внутренней сложности этого словосочетания, оно обладает несомненным и необходимым для исторического девиза достоинством – высокой частотой и длительностью употребления во множестве современных эпох текстов, от массмедийной продукции и научных трудов до политических и правовых документов национального и международного уровня. То, что, войдя в широкий обиход ещё на рубеже 1980–1990-х гг., "интеграционный дискурс" продолжает настойчиво воспроизводиться до сих пор, само по себе побуждает видеть в нём отражение некоего масштабного и долгосрочного процесса, магистрального вектора развития дальневосточного региона, с которым он за это время стал прочно ассоциироваться.

Какие же именно изменения в состоянии РДВ, произошедшие с начала 1990-х гг., следует рассматривать в качестве эмпирического референта его "интеграции в АТР"? Очевидно, что ответ на этот вопрос будет зависеть от принятого определения понятия "интеграция". Под ней автором понимается процесс взаимодействия, ведущий к повышению относительного уровня взаимной связанности (функциональной зависимости) двух и более социальных систем (поселений, внутренних регионов, систем национального или наднационального типа) вплоть до их слияния в единую систему¹. Из всего спектра трансграничных связей дальневосточного региона России и АТР² в данной статье будут охарактеризованы три типа отношений – торговые, инвестиционные и миграционные. Внимание к этим типам отношений, конечно, далеко не исчерпывающим объёма понятия "интеграция", обусловлено фундаментальной ролью, которую они обычно играют в такого рода процессах³. Немаловажно и то, что торговые, инвестиционные и миграционные отношения РДВ и АТР более плотно описаны в доступных статистических источниках, что, несмотря на многочисленные изъяны официальной статистики, тем не менее, позволяет перевести изучение интеграции в более конкретную, количественную и сравнительную, плоскость.

¹ Рабочее определение социальной (и в т.ч. международной) интеграции базируется на принципах системного подхода, прежде всего, в его функционалистской и неофункционалистской интерпретации. Признавая абстрактность предложенного определения, автор всё же считает его более содержательным в сравнении с широко распространённой трактовкой интеграции как сотрудничества высокого уровня интенсивности (см., например: [12, с. 16–21]), и более корректным, чем её понимание как унификации социальных общностей (например: [23, с. 3]).

² В состав АТР в этой статье включаются страны, входящие в настоящее время в АТЭС. В то же время, как будет отмечено далее, экономико-географические и институциональные границы АТР совпадают не вполне.

³ Вынесение за скобки данного исследования политико-институционального уровня интеграции РДВ и АТР не является, конечно, отрицанием его значимости. Вместе с тем, по мнению автора, даже в том случае, когда трансграничная интеграция инициируется политическими институтами, свидетельством её подлинности (не фиктивности) может быть только устойчивое и массовое втягивание в интеграционные процессы социально-экономических отношений систем.

На основе диахронного сравнения статистической информации об объёме, географической структуре и составе торговых, инвестиционных и миграционных отношений РДВ и стран АТР, в работе будет дана оценка изменений, произошедших в этих отношениях в постсоветский период. Прояснение основных тенденций и особенностей трансграничного взаимодействия двух регионов за более чем четверть века даст возможность сделать предположения о некоторых факторах, которые могли бы объяснить эту динамику.

Хотя на внутриполитическом уровне "интеграционистские" намерения в отношении АТР были заявлены советским руководством ещё в 1986–1987 гг. [1, с. 155], а первые межправительственные соглашения, прокладывающие дорогу в этом направлении, были заключены (с КНР) летом 1988 г., существенное и комплексное влияние на социально-экономическое взаимодействие РДВ с внешним миром политические перемены начали оказывать не ранее 1991 г. Ввиду этого оптимальной исходной базой для дальнейших сравнений могло бы послужить состояние такого взаимодействия на 1990 г. Однако из-за неполноты или методологической нестандартизированности необходимой статистики за 1990 г. применительно к ряду параметров трансграничных отношений РДВ автор будет обращаться к более поздним данным.

В 1990 г. общий объём экспорта РДВ составлял 7916,2 млн долл.⁴, тогда как общий объём импорта – 20852,8 млн долл. [5 (Прил.), с. 70–76]. При этом около 85% внешнего товарооборота РДВ за этот год (24453 млн долл.) приходилось на страны АТР.

Учёт прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в это время производился с помощью показателя количества зарегистрированных предприятий с иностранными инвестициями. В 1990 г. на РДВ насчитывалось 57 таких предприятий [4, с. 83]. Исходя из этого, по оценке автора, в 1990 г. объём ПИИ на РДВ вряд ли существенно превышал 28,6 млн долл.⁵ После изменения методики учёта, в 1995 г. на Дальнем Востоке было зафиксировано поступление ПИИ объёмом 730,7 млн долл.⁶ И по числу предприятий, и по величине вложенного капитала среди инвесторов абсолютно доминировали страны АТР. Так, в 1995 г. на четыре страны АТР (КНР, США, Япония, РК) приходилось 73,1% ПИИ, поступивших на РДВ [19, с. 240].

Наиболее сложно оценить объём трансграничных миграционных отношений РДВ на 1990 г. Основной миграционный обмен между РДВ и АТР в это время шёл через советско-китайскую границу. По данным Благовещенской таможни, в 1990 г. через неё было произведено 37 тыс. поездок (въездов) иностранцев и более 33,5 тыс. поездок (выездов) советских граждан [18, с. 184]. Если допустить наличие незначительного обмена через другие пункты пропуска на границе с КНР, а также учесть въезд северокаорейских рабочих и туристические поездки между РДВ и Японией, то совокупный трансграничный миграционный оборот Дальнего Востока в 1990 г. должен был составлять не менее 80–90 тыс. поездок.

Спустя 28 лет, в 2017 г. объём экспорта РДВ определялся в 51224 млн долл., а объём импорта – в 14484,7 млн долл. При этом доля стран АТР в дальневосточной внешней торговле снизилась до 78,3% (51450 млн долл.)⁷.

Объём ПИИ, поступивших на РДВ в 2017 г., составил, по расчётам автора, 18787,4 млн долл.⁸ Согласно информации Центрального банка РФ, доля

⁴ Стоимостные объёмы торговли и инвестиций в этой работе для сопоставимости пересчитаны в международные доллары 2011 г. по паритету покупательной способности (на основе данных Всемирного банка [31]).

⁵ Принимая во внимание, что к 1995 г. на Дальнем Востоке было зарегистрировано около 2500 подобных предприятий, а общий объём заявленных ПИИ за 1988–1995 гг. превысил 500 млн долл. [18, с. 59], можно предположить, что в 1990 г. объём ПИИ, поступивших на РДВ, не превышал 10 млн долл. (в текущих ценах) или 28,6 млн долл. (в международных долл. 2011 г. по ППС).

⁶ Рассчитано на основе: [17].

⁷ Рассчитано на основе: [27].

⁸ По данным Центрального банка РФ – 8157 млн долл. [16]. Помимо пересчёта в долл. 2011 г. по ППС, расчётное значение включает повышающий коэффициент, необходимый для

ПИИ из АТР на Дальнем Востоке в 2017 г. резко упала: источником 98% объёма инвестиций стали офшорные территории [15, с. 121–123]. Однако часть капитала, проводимого через офшорные компании, по-прежнему исходит от инвесторов из стран АТР. С этой точки зрения, величина доли в ПИИ четырёх стран (КНР, США, Япония и РК) на 2013 г., составлявшая 41,8%, отражает нынешнюю роль АТР в этой сфере трансграничных отношений РДВ более адекватно [19, с. 240–241].

Наибольшую сложность, как и для начальной вехи изучаемого периода, представляет оценка объёма миграционного взаимодействия РДВ и АТР в 2017 г. В официальных публикациях данные о поездках через государственную границу в пределах РДВ не приводятся. Наиболее надёжной основой для оценки их количества являются данные о въезде в РФ граждан ближайших к РДВ стран АТР и выезде в эти страны граждан РФ. В 2017 г. из трёх стран АТР (КНР, РК, Япония) в Россию в совокупности было совершено 2190,6 тыс. поездок. В том же году из России в эти страны было произведено 2627,4 тыс. поездок [7]. Исходя из отдельных данных за предшествующее десятилетие, можно предположить, что примерно половина поездок из названных стран АТР в Россию и из России в эти страны осуществлялась через государственную границу в пределах ДФО. Таким образом, с учётом остальных стран АТР, трансграничный миграционный оборот РДВ в 2017 г. должен был составлять не менее 2400–2500 поездок.

Сопоставление абсолютных показателей трансграничного взаимодействия РДВ и АТР за 1990–2017 гг. позволяет в целом определить его динамику как активный рост. За этот период товарооборот между РДВ и АТР в реальном выражении увеличился более чем в 2,1 раза, что было обеспечено быстрым ростом (в 5,9 раза) экспорта, при снижении объёмов импорта. Резко возрос приток на РДВ прямых азиатско-тихоокеанских инвестиций: за 1990–2017 гг. объём их годового поступления увеличился, по меньшей мере, в 375 раз. Примерно в 30 раз более мощным за изучаемый период стало миграционное взаимодействие между РДВ и его соседями по АТР.

Вместе с тем, как следует из статистических данных, в последние годы наметилась тенденция к некоторому снижению (на 6% с 2014 по 2017 гг. [27]) доли АТР (а также СВА) во внешней торговле РДВ. Значительно сократилась по сравнению с 1990-ми гг. доля стран АТР в поступающих на Дальний Восток ПИИ. Что же касается миграционных отношений, то, хотя преобладание в них АТР остаётся неизменно подавляющим, со второй половины 2000-х гг. РДВ постепенно утрачивает положение абсолютного доминирующего участника этих отношений среди макрорегионов России.

Картина развития трансграничных отношений РДВ и АТР становится ещё более неоднозначной, если дополнить её рядом других относительных показателей. Так, для оценки степени международной открытости региональной экономики обычно используется показатель внешнеторговой квоты (отношения объёма внешней торговли к ВРП). Подставив в него вместо всего объёма внешней торговли ту её часть, которая связывала РДВ с АТР, можно получить, по сути, показатель меры торговой интеграции первого региона во второй. В 1990 г. внешнеторговая квота РДВ в отношениях с АТР составляла 18,5% (в т.ч. экспортная квота – 5,1%)⁹. В 2005 г. она достигла 42,6%. Однако затем величина объёма азиатско-тихоокеанской торговли РДВ относительно его ВРП в основном снижалась и в 2017 г. составляла уже 32,9% (в т.ч. экспортная квота – 25,3%)¹⁰.

Если взглянуть на внешнюю торговлю РДВ с АТР с точки зрения валового продукта его контрагента (сумма ВВП членов АТЭС, кроме России), то, безусловно, её относительная величина будет ничтожна. Тем не менее, её динамика также примечательна. В 1990 г. азиатско-тихоокеанская торговля РДВ составляла 0,119% от ВВП АТР. В 2005 г. её объём возрос до 0,121% ВВП

обеспечения сопоставимости данных о поступлении ПИИ за периоды до и после 2011 г., когда официальная методика расчёта этого показателя была изменена.

⁹ Рассчитано на основе: [13, с. 73; 5 (Прил.), с. 70–76].

¹⁰ Рассчитано на основе данных Росстата [26] и ДВТУ [27].

АТР, но в 2017 г. снизился до 0,085%¹¹. Таким образом, относительно динамики азиатско-тихоокеанской экономики рост внешней торговли РДВ, не удержав опережающих темпов, в конечном итоге, оказался отстающим.

Ещё одной важной характеристикой дальневосточной торговли с АТР является то место, которое она занимает в общем товарообороте России с этим международным регионом. В 1992 г., когда на АТР приходилось 20% внешней торговли России, 20% от этого объёма принадлежало РДВ [5, с. 100]. В 2017 г., когда на азиатско-тихоокеанском направлении было сосредоточено уже 30% российской торговли, дальневосточная доля в ней опустилась до 12,7%¹².

Как можно видеть из приведённых цифр, на фоне бурного экономического развития АТР и усиливающегося с конца 2000-х гг. вовлечения в него России в целом, торговые успехи РДВ в рассматриваемый период следует считать скорее относительными неудачами. Более надёжны в этом смысле достижения дальневосточного региона в трансграничных миграционных и, особенно, инвестиционных отношениях. Однако и в этих сферах конечный, развивающий эффект трансграничного взаимодействия для экономики РДВ не столь уж велик. Так, в 2017 г. все ПИИ достигали лишь 39% от общего объёма инвестиций в основной капитал, поступивших на РДВ. Учитывая масштаб потребностей Дальнего Востока в капитале, ни эту долю, ни абсолютный объём ПИИ (как наиболее важного в сложившихся условиях инвестиционного резерва) нельзя признать достаточными¹³.

Не столь заметные изменения произошли за 1990–2017 гг. в географической структуре трансграничных отношений РДВ. Наиболее устойчивой её особенностью, как известно, является доминирование среди партнёров РДВ в АТР "большой тройки" США (КНР, Япония, РК). За исключением спада второй половины 1990-х гг., доля США-3 во внешней торговле РДВ колебалась в диапазоне от 65 до 80%. При этом, если в 1990-е гг. ведущее место в тройке, чаще всего, принадлежало Японии, то к настоящему времени выраженного лидерства в её составе какой-либо из стран не наблюдается. Вместе с тем, следует отметить, что для Японии и РК характерно преобладание в дальневосточном экспорте, тогда как ведущим источником импорта для РДВ (до 40% общего импорта и более) долгие годы выступает Китай.

Во второй половине 1990-х гг. в тройку главных торговых партнёров РДВ в АТР входили США¹⁴. Однако с рубежа 2000-х гг., под влиянием политических факторов, американское участие во внешнем товарообороте РДВ неуклонно уменьшалось и в последние годы колеблется в районе 2-3%. Внимания заслуживает некоторое расширение с 2000-х гг. торговых связей РДВ с Индией¹⁵ и странами АСЕАН, но эти процессы идут очень медленно и нестабильно.

В инвестиционных отношениях РДВ в первой половине 1990-х гг. доминировали США и Япония, которым принадлежало в совокупности около 50% всех ПИИ в регион [18, с. 59]. Впоследствии лидерство в этой области перешло к странам Европы, а затем офшорным территориям. Тем не менее, по мнению дальневосточных экономистов, важными донорами капитала, приходящего на РДВ через офшоры, по-прежнему являются США и Япония [19, с. 240–241; 24, с. 144–145].

В сфере миграционного обмена главным визави РДВ стабильно является Китай. С начала 1990-х гг. и до настоящего времени не менее двух третей

¹¹ Рассчитано на основе: [30].

¹² Рассчитано на основе: [30].

¹³ Минимальный объём инвестиций, необходимый для обеспечения среднероссийских темпов развития РДВ, оценивается на период 2013–2025 гг. в 10 трлн руб. (в ценах 2013 г.) [10, с. 78–81], т.е. около 500 млрд долл. по ППС.

¹⁴ В 1997 г. их доля поднималась до 16% внешней торговли РДВ [9, с. 61].

¹⁵ Индия – это наиболее значимый пример страны, которая, не являясь членом АТЭС, экономически всё сильнее тяготеет к АТР.

трансграничного миграционного движения между РДВ и АТР осуществлялось на российско-китайском направлении.

Большой подвижностью в изучаемый период отличалась внутренняя географическая структура трансграничных отношений РДВ. На начало периода (1990 г.) ведущими участниками торговли с АТР среди регионов РДВ были Приморский и Хабаровский края и Якутия. Однако уже к концу 1990-х гг. вместо Якутии в тройке крупнейших участников внешней торговли закрепились Сахалинская область [5, с. 102; 5 (Прил.), с. 70–76; 9, с. 70]. В 2000-е гг. эту тройку покинул Хабаровский край, и с этого времени и до сих пор её состав (в порядке убывания доли в дальневосточной торговле) выглядит следующим образом: Сахалинская область, Приморский край и Якутия [19, с. 238]. К настоящему времени эти регионы формируют свыше 80% внешней торговли РДВ.

С ролью регионов во внешней торговле довольно тесно коррелирует их место в инвестиционном взаимодействии с АТР. В первой половине 1990-х гг. основной поток иностранного капитала привлекали Приморский и Хабаровский края, а также Сахалинская область. В дальнейшем развитии международных нефтегазовых проектов на сахалинском шельфе позволило Сахалинской области резко вырваться вперёд. С середины 2000-х гг. этот регион является абсолютным лидером по привлечению ПИИ (его доля колеблется в пределах от 50 до 80% поступающих на РДВ ПИИ), в т.ч. и в части инвестиций, идущих из стран АТР. С большим отрывом за Сахалином следуют Приморье, Якутия и Амурская область [3, с. 222–225; 4, с. 82–83; 15, с. 119–121].

Что касается миграционных отношений, то в 1990 г., когда основным пунктом пропуска на дальневосточной границе являлась Благовещенская таможня, ведущим их участником была Амурская область. Однако уже в 1993 г. её опередил Приморский край, сохраняющий свою роль узлового отправителя и получателя мигрантов в отношениях с АТР до сих пор. Наряду с Приморьем, в тройке лидеров входящей и исходящей трансграничной миграции на РДВ устойчиво присутствуют Амурская область и Хабаровский край [11, с. 78, 102; 22, с. 207–213].

Особую значимость для понимания специфики конкретного интеграционного процесса имеет выявление состава потоков, образующих его материальную основу. На протяжении изучаемого периода товарный состав экспорта и импорта РДВ менялся очень медленно. Так, в начале периода дальневосточный экспорт на 90% состоял из сырьевых товаров (в т.ч. на 17,2% из "топлива, минерального сырья и металлов") и включал лишь 1,9 % товаров категории "машины, оборудование и транспортные средства". При этом импорт Дальнего Востока состоял на 39,5 % из машиностроительной продукции и ещё на 43% из продовольственных и промышленных товаров народного потребления¹⁶. В 2017 г. сырьевая составляющая экспорта насчитывала 71% (в т.ч. 56% "топлива, минерального сырья и металлов"), а доля машиностроительной продукции увеличилась до 8,4%. В импорте РДВ доля "машин, оборудования и транспортных средств" возросла до 52,9%, а товаров народного потребления – снизилась до 19,8%¹⁷ [15, с. 123–124; 21]. Следует указать, что тенденция к некоторому снижению сырьевой компоненты экспорта и росту в нём доли товаров высокого передела наметилась только после 2014 г., и, по-видимому, связана с институциональными преобразованиями в ДФО.

Среди различных критериев анализа состава поступающего на РДВ потока ПИИ¹⁸ для настоящего исследования наибольший интерес представляет его отраслевая дифференциация. Вплоть до середины 1990-х гг. подавляющая часть приходившего в регион из-за рубежа капитала концентрировалась в сфере внешней и внутренней торговли, страхования и, в меньшей степени, добычи и переработки рыбы и морепродуктов [18, с. 60–61]. С начала же 2000-х гг. внимание инвесторов сместилось от сферы услуг к производству, и,

¹⁶ Данные по экспорту – на 1991 г., по импорту – на 1990 г. [5, с. 101; 25, с. 244].

¹⁷ Свыше 90% экспортируемого сырья стабильно идёт в СВА-3. Из этих же стран и США поступает машиностроительная продукция, а в импорте потребительских товаров лидирует Китай [27].

¹⁸ Поток инвестиций с РДВ в страны АТР крайне незначителен.

прежде всего, к топливно-энергетическому и лесопромышленному комплексам [24, с. 144–145]. В 2017 г. доля вложений в "добычу полезных ископаемых" (в основном, топливных) в общем объеме ПИИ составила 89,5 % [15, с. 121–122].

Основными компонентами связывавших РДВ и АТР в 1990–2017 гг. человеческих потоков были три категории мигрантов – трудовые, коммерческие (торгово-предпринимательские, в т.ч. "челноки") и туристические. Четкое разграничение этих категорий представляет весьма сложную проблему, которая во многом обусловлена длительным и масштабным бытованием на РДВ такого явления как "псевдотуризм", когда лица, въезжавшие в регион или выезжавшие из него формально с целью туризма, фактически занимались в стране пребывания трудовой деятельностью или бизнесом.

Если принять, что в 1990 г. численность иностранных трудовых мигрантов на РДВ была близка к 26,3 тыс. чел.¹⁹, то, вероятно, это был последний год, когда численность въехавших в регион трудовых мигрантов превышала численность туристов. Вместе с тем, в исходящей миграции уже в 1990 г. туристический компонент явно преобладал. При этом следует учитывать, что часть туристов с обеих сторон, в действительности, занималась наёмным трудом или торговала.

В дальнейшем прирост миграционного движения между РДВ и АТР происходил главным образом за счёт туристических поездок. Особенно весомой (до 90% и более) доля туризма была в российской миграции [8; 14]. Однако со второй половины 2000-х гг., в условиях вытеснения трудовых мигрантов из Восточной Азии выходцами из стран СНГ и подавления нелегальной занятости и бизнеса, состав входящей миграции по целям въезда начинает сближаться с составом исходящей. Судя по общероссийской статистике, поток мигрантов, выезжающих на РДВ, сегодня является даже более туристическим по своему составу, чем поток выезжающих в страны АТР: так, в 2017 г. средняя доля туристов среди россиян, выезжающих в КНР, РК и Японию, составляла 81%, тогда как среди выезжающих в Россию из этих стран – 88,2%²⁰. Несмотря на сохраняющийся спрос на иностранную рабочую силу²¹, с 2008 г. численность трудовых мигрантов из АТР на РДВ продолжает сокращаться.

Подводя итог, можно отметить, что сравнение значений абсолютных и в определённой мере относительных количественных параметров торговых, инвестиционных и миграционных отношений РДВ и АТР по их состоянию на начало и конец периода 1990–2017 гг. действительно указывает на присутствие в них ряда интеграционных тенденций. Вместе с тем, представленный обзор, при всей краткости, позволяет зафиксировать несколько присущих интеграционному взаимодействию РДВ и АТР устойчивых особенностей. Тезисно они могут быть сформулированы следующим образом:

1) АТР был, остаётся и в обозримом будущем будет оставаться для РДВ ведущим центром социально-экономической интеграции. Несмотря на усиление интеграционных связей внутри России и на пространстве ЕАЭС, без комплексной барьеризации границ они не способны перевесить гравитационную силу ближайшего международного окружения РДВ;

2) Главной материальной основой, несущим каркасом интеграционных процессов между РДВ и АТР до настоящего времени является торговля (прежде всего, экспортная), что характерно для ранней, доинституциональной, стадии интеграции. Инвестиционное взаимодействие сторон, при опережающих темпах роста, имеет в целом вторичный, обслуживающий по отношению к торговле характер. Миграционные связи РДВ и стран АТР в 2000-е гг. были в основном отделены от экономического сотрудничества и сегодня имеют скорее социальное (рекреационно-потребительское) значение;

3) Социально-экономическая реинтеграция РДВ в Россию проявляется в изменении его трансграничной роли. Из главного представителя России в АТР с начала 2000-х гг. он превращается в транзитную зону, в инструмент

¹⁹ Данные за 1989 г. [6, с. 105].

²⁰ Рассчитано на основе: [20].

²¹ К 2020 г. он может достигнуть 380 тыс. работников [11, с. 131].

обеспечения международного сотрудничества более западных и более развитых российских территорий;

4) Интеграция РДВ в АТР характеризуется резким неравенством сторон. При критической важности торговли с АТР для дальневосточной экономики как для АТР в целом, так и для основных стран-партнёров РДВ в этом регионе, её объём остаётся пренебрежимой величиной²²;

5) Социально-экономическое взаимодействие РДВ с АТР устойчиво сконцентрировано в пределах "большой тройки" СВА (КНР, Япония, РК), положению членов которой в нём не угрожают всерьёз даже такие экономические гиганты, как США, Индия и АСЕАН. Неподвижность географической структуры трансграничных отношений РДВ во многом определяет и косность их содержания, их ресурсного состава;

6) Интеграция РДВ с АТР имеет узкую внутреннюю географию. Традиционно доминирующую роль в ней играли южные приграничные регионы (Приморский и Хабаровский края, Амурская область), однако с 2000-х гг. (по крайней мере, в торгово-инвестиционной сфере) их активно теснят "сырьевые кладовые" РДВ – Сахалинская область и Республика Якутия;

7) С точки зрения своего состава, торговля РДВ и АТР представляет собой обмен сырьевых ресурсов (в особенности, углеводородов) на машиностроительную продукцию и товары народного потребления. Наиболее явной позитивной тенденцией 1990–2017 гг. является постепенное сокращение в торговле доли импорта, а в нём – потребительских товаров;

8) Инвестиции стран АТР (в особенности, СВА) неуклонно сосредотачиваются в тех отраслях РДВ, которые наиболее интересны для них в качестве источников импорта (добыча нефти, газа, угля, руд и лесозаготовка);

9) Политика сдерживания трудовой и коммерческой миграции из АТР заметно снизила их вес в трансграничных миграционных отношениях РДВ. При этом в их туристической составляющей до сих пор преобладает выездное направление, развитие которого работает главным образом на экономики соседей РДВ.

Таким образом, признавая небеспочвенность проводимого в исследованиях последних лет утверждения о том, что интеграция РДВ в АТР "уже свершилась" [19, с. 236], его использование, тем не менее, следует сопровождать существенными оговорками. Специфическая форма трансграничной интеграции, сложившаяся в социально-экономических отношениях РДВ и АТР за почти три десятилетия, характеризуется такими отличительными чертами как высокая неравномерность и асимметричность. В данном случае, под неравномерностью понимается резкое неравенство, неполнота и фрагментарность участия в интеграционных процессах внутренних территориальных, отраслевых и социальных сегментов двух региональных систем, а под асимметричностью – неравенство меры взаимной зависимости этих систем. Если для АТР эти неравномерность и асимметричность выгодны или малозначимы, то для слабейшей стороны взаимодействия, – РДВ, – они стали весомыми факторами деформации и демодернизации внутренней экономической и социально-демографической структуры.

Длительные отношения РДВ и АТР наглядно свидетельствуют, что трансграничная интеграция РДВ и его опережающее развитие – это два разных процесса, и связь между ними не является ни прямой (однонаправленной), ни однозначной. В 1990-е и в начале 2000-х гг. трансграничное взаимодействие с АТР сыграло важную компенсирующую роль, по сути, позволив РДВ выжить и восстановиться в условиях его фактического "выпадения" из социально-экономического пространства России. Однако с середины 2000-х гг. способ международной интеграции РДВ, состоявший в переключении его периферийных функций с Европейской России на новый центр – северо-восточноазиатское субядро АТР, всё в большей степени становится тормозом развития региона, препятствием на пути его структурно-технологической модернизации. При этом трансграничная периферийность РДВ, уже в силу политической иносистемности центра, значительно более ригидна и деструктивна, чем интраграничная.

²² Оценка роли России и РДВ в трансграничных отношениях в АТР как маргинальной типична для зарубежных исследований. См. например: [28; 29].

Нынешняя неравномерная и асимметричная, косная и консервирующая модель интеграции РДВ в целом, безусловно, отражает объективные внутренние структуры и соотношение социально-экономических потенциалов стран АТР (в первую очередь, КНР, Японии, РК и США), а также их интересы в борьбе за ресурсы и рынки сбыта. Однако историческая закономерность и рыночная обоснованность сегодняшнего способа участия РДВ в АТР не могут быть аргументами в пользу отказа от управления им. Немалая часть ответственности за то, что интеграция не оправдала связывавшихся с ней ожиданий, лежит на государственной политике на РДВ и, в частности, политике пограничной. На протяжении большей части рассматриваемого периода²³ в своей дальневосточной пограничной политике федеральный центр руководствовался, прежде всего, фискальными потребностями и соображениями "национальной безопасности", в остальном предоставляя трансграничные отношения РДВ рыночной стихии. Лишь три – четыре года назад (с 2014–2015 гг.) управление трансграничными отношениями региона стало более или менее систематически увязываться со стратегическими целями его социально-экономического развития²⁴. Судя по всему, не меньший временной интервал понадобится для того, чтобы результаты этой новой политики достаточно определённо проявились в основных показателях, описывающих торговое, инвестиционное и миграционное взаимодействие РДВ с АТР.

Литература

1. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв./ В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004. 600 с.
2. Государственная программа РФ "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSNHM7NUM.pdf> (дата обращения: 11.03.2018).
3. Дальний Восток России: экономический потенциал / РАН. Дальневост. отд. ин-т экон. исслед. Владивосток: Дальнаука, 1999. 594 с.
4. Дальний Восток России: экономическое обозрение / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: РИОТИП, 1995. 477 с.
5. Дальний Восток России: экономическое обозрение / Под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-Комплекс ЭКОПРОС, 1993. 156 с. + Прил. (124 с.: ил.)
6. Дудченко Г.Б. Китайская, вьетнамская и северокорейская миграция на юге Дальнего Востока России в 80–90-е годы XX века. Дисс... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 262 с.
7. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 10.12.2018).
8. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 418 с.
9. Ишаев В.И. Международное экономическое сотрудничество: региональный аспект. Владивосток: Дальнаука, 1999. 129 с.
10. Ишаев В.И., Ивантер В.В., Кувалин Д.Б. Экономика Дальнего Востока и Байкальского региона: государственный подход. М.: МАКС Пресс, 2015. 264 с.
11. Красова Е.В. Иностранная рабочая сила в мировой и региональной экономике: современные аспекты государственного регулирования. Владивосток: ВГУЭС, 2012. 212 с.
12. Лукин А.Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009. 248 с.
13. Минакир П.А. Дальний Восток и другие регионы в модифицирующейся экономике России // Экономическая наука современной России. 2004. № 1. С. 67–79.
14. Понкратова Л.А. Этапы развития трансграничной миграции в российско-китайской контактной зоне // Демографическое развитие российского Дальнего

²³ Уже во второй половине 1990-х гг. регионы РДВ фактически перестали быть значимыми субъектами регулирования трансграничных отношений.

²⁴ Выражением этого стало принятие ныне действующей госпрограммы развития РДВ [2] и серии законов о дальневосточных "институтах развития" (ТОРы, СПВ, РИПы, агентства по привлечению инвестиций и развитию человеческого капитала и др.)

Востока. Том 2. № 1 / Под ред. Рязанцева С.В., Храмовой М.Н. М.: Изд-во "Экон-Информ", 2016. С. 92–106.

15. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г., Суслов Д.В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2017 г. // *Пространственная экономика*. 2018. № 2. С. 92–133.

16. Прямые инвестиции в РФ // Центральный банк РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=svs> (дата обращения: 12.09.2018).

17. Регионы России. В 2-х т. Т.2 / Госкомстат России. М., 1997.

18. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы регионального сотрудничества. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 248 с.

19. Российский Дальний Восток на пути в будущее / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.

20. Российский статистический ежегодник. 2018 / Росстат. М., 2018.

21. Российский экспортный центр. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.exportcenter.ru/services/analitika-i-issledovaniya/> (дата обращения: 24.12.2018).

22. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.

23. Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 28–45.

24. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / Под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.

25. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.

26. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 5.01.2019).

27. Федеральная таможенная служба. Дальневосточное таможенное управление. [Электронный ресурс]. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (дата обращения: 14.12.2018).

28. Akaha T. and Vassilieva A. Introduction: Russia and East Asia // *Russia and East Asia. Informal and gradual integration*. Ed. by T. Akaha and A. Vassilieva. New York: Taylor & Francis, 2014. P. 1–16.

29. Rowe E.W. and Blakkisrud H. Afterword: 6400 Kilometres Away–But Not a Policy World Apart // *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation*. Ed. by H. Blakkisrud and E.W. Rowe. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. P. 159–164.

30. StatsAPEC. [Электронный ресурс]. URL: <http://statistics.apec.org/> (дата обращения: 24.12.2018).

31. World Development Indicators (October 2018) // The World Bank: Data. URL: <http://data.worldbank.org/products/wdi> (дата обращения: 4.11.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoj dinamike. XVI–XX vv./ V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov, I.V. Poberezhnikov. М.: Nauka, 2004. 600 с.

2. Gosudarstvennaya programma RF "Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona" (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 308) // Pravitel'stvo Rossii. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSHHM7NUM.pdf> (дата обращения: 11.03.2018).

3. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskij potentsial / RAN. Dal'nevost. otd-nie. In-t ehkon. issled. Vladivostok: Dal'nauka, 1999. 594 с.

4. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskoe obozrenie / Pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: RIOTIP, 1995. 477 с.

5. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskoe obozrenie / Pod red. P.A. Minakira. М.: Progress-Kompleks EHKOPROS, 1993. 156 с. + Pril. (124 с.: il.)

6. Dudchenko G.B. Kitajskaya, v'etnamskaya i severokorejskaya migratsiya na yuge Dal'nego Vostoka Rossii v 80–90-e gody XX veka. Diss... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2004. 262 с.

7. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema. Gosudarstvennaya statistika. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 10.12.2018).

8. Zabiako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajtsy: ehtnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoке. Blagoveshhensk: Amurskij gos. un-t, 2009. 418 с.

9. Ishaev V.I. Mezhdunarodnoe ehkonomicheskoe sotrudnichestvo: regional'nyj aspekt. Vladivostok: Dal'nauka, 1999. 129 с.

10. Ishaev V.I., Ivanter V.V., Kuvalin D.B. EHKonomika Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona: gosudarstvennyj podkhod. М.: MAKS Press, 2015. 264 с.

11. Krasova E.V. Inostrannaya rabochaya sila v mirovoj i regional'noj ehkonomie: sovremennye aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya. Vladivostok: VGUEHS, 2012. 212 s.
12. Lukin A.L. Integratsionnye protsessy i instituty v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: politika, ehkonomika, bezopasnost'. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2009. 248 s.
13. Minakir P.A. Dal'nij Vostok i drugie regiony v modifitsiruyushheysya ehkonomie Rossii // EHkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2004. № 1. S. 67–79.
14. Ponkratova L.A. EHTapy razvitiya transgranichnoj migratsii v rossijsko-kitajskoj kontaktnoj zone // Demograficheskoe razvitie rossijskogo Dal'nego Vostoka. Tom 2. № 1 / Pod red. Ryazantseva S.V., KHramovoj M.N. M.: Izd-vo "EHkon-Inform", 2016. S. 92–106.
15. Prokapalo O.M., Isaev A.G., Mazitova M.G., Suslov D.V. EHkonomicheskaya kon'yunktura v Dal'nevostochnom federal'nom okruge v 2017 g. // Prostranstvennaya ehkonomika. 2018. № 2. S. 92–133.
16. Pryame investitsii v RF // TSentral'nyj bank RF. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs> (data obrashheniya: 12.09.2018).
17. Regiony Rossii. V 2-kh t. T.2 / Goskomstat Rossii. M., 1997.
18. Rossijskij Dal'nij Vostok i Severo-Vostochnaya Aziya. Problemy regional'nogo sotrudnichestva. M.: EHditorial URSS, 1998. 248 s.
19. Rossijskij Dal'nij Vostok na puti v budushhee / Pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2017. 395 s.
20. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2018 / Rosstat. M., 2018.
21. Rossijskij ehksportnyj tsentr. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.exportcenter.ru/services/analitika-i-issledovaniya/> (data obrashheniya: 24.12.2018).
22. Ryzhova N.P. EHkonomicheskaya integratsiya prigranichnykh regionov. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2013. 352 s.
23. Strezhneva M.V. Teorii evropejskoj integratsii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2009. № 1. S. 28–45.
24. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsennarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya / Pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: DVO RAN, 2010. 560 s.
25. Tikhookeanskaya Rossiya: stranitsy proshlogo, nastoyashhego, budushhego / otv. red. P.YA. Baklanov. Vladivostok: Dal'nauka, 2012. 406 s.
26. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru/> (data obrashheniya: 5.01.2019).
27. Federal'naya tamozhennaya sluzhba. Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://dvtu.customs.ru/> (data obrashheniya: 14.12.2018).
28. Akaha T. and Vassilieva A. Introduction: Russia and East Asia // Russia and East Asia. Informal and gradual integration. Ed. by T. Akaha and A. Vassilieva. New York: Taylor & Francis, 2014. P. 1–16.
29. Rowe E.W. and Blakkisrud H. Afterword: 6400 Kilometres Away—But Not a Policy World Apart // Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation. Ed. by H. Blakkisrud and E.W. Rowe. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. P. 159–164.
30. StatsAPEC. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://statistics.apec.org/> (data obrashheniya: 24.12.2018).
31. World Development Indicators (October 2018) // The World Bank: Data. URL: <http://data.worldbank.org/products/wdi> (data obrashheniya: 4.11.2018).

Киреев А.А. Российский Дальний Восток в трансграничных отношениях с АТР: обзор динамики 1990–2017 гг.

В статье рассмотрены объем, географическая структура и состав торговых, инвестиционных и миграционных отношений российского Дальнего Востока со странами АТР, выявлены долгосрочные тенденции их динамики с начала 1990-х гг. Определены роли в трансграничных отношениях входящих в макрорегион субъектов федерации. Впервые на основе статистических данных за более чем четвертьвековой период предпринята попытка характеристики основных особенностей интеграции Дальнего Востока России в структуру трансграничных отношений в АТР и факторов, обусловивших их возникновение.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, трансграничные отношения, интеграция, внешняя торговля, инвестиции, миграция, пограничная политика*

Kireev A.A. Russian Far East in transborder relations with the APR: a review of the dynamics of 1990–2017.

The article discusses the volume, geographical structure and composition of trade, investment and migration relations of the Russian Far East with the countries of the Asia-Pacific region, identifies long-term trends in their dynamics since the early 1990s. The roles in the transborder relations of the RF subjects included in this macroregion are defined. For the first time, on the basis of statistical data for more than a quarter-century period, an attempt was made to characterize the main features of the integration of the Far East of Russia into the modern structure of transborder relations in the APR and the factors that caused their occurrence.

Key words: *Russian Far East, Asia-Pacific region, transborder relations, integration, foreign trade, investment, migration, border policy*

Для цитирования: Киреев А.А. Российский Дальний Восток в трансграничных отношениях с АТР: обзор динамики 1990–2017 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 35–45. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/35-45

For citation: Kireev A.A. Russian Far East in transborder relations with the APR: a review of the dynamics of 1990–2017 // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 35–45. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/35-45

